

произвёл незначительное переформирование своего отряда²¹⁴ и 20 декабря по получении соответствующего приказа перебазировался на станцию Щетово, Северо-Донецкой железной дороги, где обеспечивал охрану границ Области со стороны Дебальцево. Этот период в боевой деятельности Чернецова до самого 27 декабря носил относительно пассивный характер.

3.3. Корнилов в Новочеркасске. Триумвират. Добровольческая армия. Экспедиции. Национальные формирования

Даже и после Ростовских событий отношение населения, а частично, и Донских властей к добровольческим формированиям оставалось весьма неоднозначным. Особенно негативно воспринимался приезд на Дон «быховских» генералов.

Когда в двадцатых числах ноября Деникин с Романовским прибыли в Новочеркасск, Алексева они там не застали²¹⁵. Деникин направился к Каледину, с которым у него ещё с фронта сложились доверительные отношения. В ходе беседы Атаман в общих чертах обрисовал обстановку, которую считал катастрофической. Атаман был один в своём кабинете, но Деникину почему-то показалось, что он один и во всём дворце. Несколько раз Каледина вызывали к телефону. Он отвечал спокойным, почти безразличным голосом. Повернулся от аппарата и сказал вдруг Деникину:

– Отдаю распоряжения и знаю, что почти ничего исполнено не будет. Весь вопрос в казачьей психологии. Опомнятся – хорошо, нет – казачья песня спета...

Деникин спросил прямо, не создаст ли пребывание «быховцев» в Новочеркасске дополнительных проблем.

Каледин, задумавшись на секунду, ответил:

– На Дону приют вам обеспечен. Но, по правде сказать, луч-

²¹⁴ Отряд, ввиду прекращения активных действий, сократился до 120 человек. Зато в его состав была включена пулемётная команда 1-го Донского полка.

²¹⁵ Убыл в Екатеринодар на заседание правительства Юго-Восточного союза.

ше было бы вам, пока не разъяснится обстановка, переждать, где-нибудь на Кавказе или в кубанских станицах...

– И Корнилову?

– Да, тем более.

Вот как прокомментировал этот эпизод Деникин:

«Я уважал Каледина и нисколько не обиделся за этот совет: атаману виднее, очевидно, так нужно. Но, знакомясь ближе с жизнью Дона, я приходил к выводу, что все направление политики и даже внешние этапы жизни Донского правительства и представительных органов сильно напоминали общий характер деятельности и судьбы общерусской власти... Это было тем более странно, что во главе Дона стоял человек, несомненно, государственный, казалось сильный и, во всяком случае, мужественный».

Намёк Каледина был более чем прозрачным. Деникин с Марковым выехали на Кубань и неделю проживали в станице Славянской. Затем Деникин перебрался в Екатеринодар. Лукомский уехал во Владикавказ. Романовский, посчитавший себя не столь одиозной фигурой в глазах казаков, остался в Новочеркасске и принял участие в Алексеевской организации. Там же условились, что, как только приедет Корнилов и выяснятся ближайшие перспективы, немедленно известят, что в итоге и было сделано.

Ростовские события многое, конечно, изменили. Прежде всего, необходимость в конспирации *почти* отпала.

6 декабря в Новочеркасск прибыл Корнилов и, прежде всего, переговорил с Алексеевым. Разговор получился сложным. Становилось очевидным, что ввиду взаимного предубеждения, сработаться и ужиться генералам тоже будет не просто.

– О чём они говорили, я не знаю, – свидетельствует Деникин, – но приближённые вынесли впечатление, что «расстались они темнее тучи...»

На Дон под прикрытия Каледина стекались уже осколки революционной демократии. Савинков, Добрынский²¹⁶ всё пытались напомнить о себе, как о политических фигурах. Прибыли

²¹⁶ Состоял в окружении Корнилова во время августовского выступления.

и представители Московского центра, антибольшевистской организации, созданной ещё в октябре²¹⁷.

Тут же подвизался и Завойко. Однако сомнительная история с монополизацией им поступлений в пользу «Организации» и самоубийственные интриги, направленные на смещение Каледина и избрание Донским атаманом Корнилова, отвратили от него всех. Корнилов, ознакомившись с его деятельностью, предложил бывшему ординарцу покинуть Новочеркасск в 24 часа²¹⁸.

Положительная составляющая нахождения на Дону разного ранга политиков не существующего уже Временного правительства, очевидно, приближалась к нулю. Вред же был вполне ощутимым. Большевики получали прекрасный повод как для военного вмешательства, так и для его идеологического обоснования.

Тем не менее, люди эти ориентировались именно на Алексеевскую организацию и старались, конечно, помочь. 18 декабря состоялось первое совещание генералитета с московскими представителями. По существу, на повестке дня стоял один во-

²¹⁷ Задачу Центра его представитель М.М. Фёдоров определял следующим образом: «служить связью Добровольческой организации с Москвой и остальной общественной Россией, всемерно помогать генералу Алексееву в его благородном и национальном подвиге своим знанием, опытом, связями; предоставить себя и тех лиц, которые могли быть для этого вызваны, в распоряжение генерала Алексеева для создания рабочего аппарата гражданского управления при армии в тех пределах, какие вызывались потребностями армии и всей обстановкой ее деятельности, и отвезти те первые средства, которые были тогда собраны». Дальше слов дело, конечно, не пошло. Никакой связи с Москвой, в 1917 г. во всяком случае, установить не удалось. Да вскоре стало и не до этого. Однако определённые дополнительные средства Армия получила.

²¹⁸ Кем был Завойко, что представлял собой на самом деле, не знал и сам Корнилов. В своих показаниях Верховной следственной комиссии генерал утверждал, что познакомился с Завойко в апреле 1917 года, что Завойко был когда-то «предводителем дворянства Гайсинского уезда, Подольской губернии, работал на нефтяных промыслах Нобеля в Баку и по его рассказам, занимался исследованием природных ископаемых в Туркестане и Западной Сибири». В мае он приехал в Черновицы и, зачислившись добровольцем в Дагестанский конный полк, остался при штабе армии, в качестве личного ординарца Корнилова. И это всё, что было известно о прошлом Завойко.

прос – существования, управления и единства «Организации». Всё в конечном итоге сводилось к определению роли и взаимоотношений Алексеева и Корнилова.

С одной стороны, сохранение их обоих было в интересах армии. Уход любого из генералов означал немедленный раскол. В то же время, им, испытывавшим по отношению друг к другу едва скрываемое неприятие, в узких рамках только что начинавшегося дела, ужиться было непросто.

Корнилов требовал полной власти над армией, не считая возможным управлять иначе, как руководствуясь принципом единоначалия. Он заявил, что в противном случае оставит Дон и переедет в Сибирь. Вслед за ним, несомненно, последовало бы и подавляющее большинство офицеров и юнкеров. По человечески понятно и нежелание отойти от дела, им организованного, Алексеева.

Выступали больше общественные деятели, в первую очередь Фёдоров, напоминавшие о «государственной необходимости соглашения». Генералы нервничали, обмениваясь лишь краткими, раздражёнными репликами. Дело едва не дошло до взаимных упрёков. Всё же, после второго заседания найден был устроивший всех компромисс. Вся военная власть переходила к Корнилову. Гражданские функции оставались за Алексеевым.

Началась передача материальной части Алексеевской организации. Выяснилось отсутствие, хоть сколь-нибудь приемлемой даже и для текущих потребностей материальной обеспеченности подразделений. Корнилов, едва удержавшись от новых обвинений в адрес Алексеева, вновь заявил об отказе от командования. После новых уговоров, наконец, согласился принять, что есть.

26 декабря был объявлен «секретный» приказ о вступлении генерала Корнилова в командование Армией, которая с этого дня официально стала именоваться «Добровольческой». Отличительным знаком чинов Добровольческой армии был установлен угол национальных цветов: белого, синего, красного, носимый на левом рукаве гимнастёрки и шинели.

Оставалось разрешить вопрос о сути и организационных

формах органа, осуществляющего политическое руководство всем движением. Неоднозначные отношения, сложившиеся между Корниловым и Алексеевым и расположение «Организации» на территории Дона predeterminedли структуру власти как триумвират: Алексеев – Каледин – Корнилов. По выражению Деникина, «триумвират представлял из себя в скрытом виде первое общерусское *противобольшевистское* правительство». По сути, так это и было.

На конспиративном(!) совещании²¹⁹ Деникин набросал проект «конституции»:

1. Генералу Алексееву – гражданское управление, внешние сношения и финансы.
2. Генералу Корнилову – власть военная.
3. Генералу Каледину – управление Донской областью.
4. Верховная власть – триумвират. Он разрешает все вопросы государственного значения, причем в заседаниях председательствует тот из триумвиров, чьего ведения вопрос обсуждается.

Записка была одобрена и, отредактированная начальником штаба Армии Лукомским, подписана триумвирами. Это была, конечно, процедура психологического характера. К Дону уже подходили советские войска. Необходимо было в спешном порядке создать вооружённые силы, способные их остановить. С ними пришла бы и оформилась должным образом власть. Без них всё было бы раздавлено в зародыше.

Цели, преследуемые Добровольческой армией, впервые были обнародованы 27 декабря в исходившем из штаба воззвании:

«1. Создание организованной военной силы, которая могла бы быть противопоставлена надвигающейся полной анархии и немецко-большевистскому нашествию. Добровольческое движение должно быть всеобщим. Снова, как в старину, 300 лет тому назад, вся Россия должна подняться всенародным опол-

²¹⁹ Совещание происходило на частной квартире. Присутствовали генералы Алексеев, Корнилов, Каледин, Деникин, Лукомский, Романовский, Марков.

чением на защиту своих осквернённых святынь и своих потерянных прав.

2. Первая непосредственная цель Добровольческой армии – противостоять вооруженному нападению на Юг и Юго-восток России. Рука об руку с доблестным казачеством, по первому призыву его Круга, его правительства и Войскового атамана, в союзе с областями и народами России, восставшими против немецкобольшевистского ига, – все русские люди, собравшиеся на Юге со всех концов нашей Родины, будут защищать до последней капли крови самостоятельность областей, давших им приют и являющихся последним оплотом русской независимости, последней надеждой на восстановление Свободной Великой России.

3. Но рядом с этой целью – другая ставится Добровольческой армии. Армия эта должна быть той действенной силой, которая даст возможность русским гражданам осуществить дело государственного строительства Свободной России. Новая армия должна стать на страже гражданской свободы, в условиях которой хозяин земли русской – ее народ выявит через посредство избранного Учредительного собрания державную волю свою. Перед волей этой должны преклониться все классы, партии и отдельные группы населения. Ей одной будет служить создаваемая армия, и все участвующие в ее образовании будут беспрекословно подчиняться законной власти, поставленной этим Учредительным собранием...»

В заключение воззвание призывало «...встать в ряды Российской рати... всех, кому дорога многострадальная Родина, чья душа истомилась к ней сыновней болью».

Нетрудно заметить, что воззвание носило в большей степени агитационный характер. Мало что из заявленного удалось воплотить в жизнь. «Всенародное ополчение» не поднялось. Изолированные и неорганизованные островки сопротивления в большинстве своём ликвидировались большевиками с пугающей быстротой. Пойти рука об руку с казачеством тоже не получилось, ввиду нежелания последнего защищать им же самим выбранную власть. Поэтому армия, состоявшая почти из одних

только юнкеров и офицеров²²⁰, при всей их демократичности и лояльности к местным институтам, являлась всё же телом инородным в чуждой ей среде. И, будучи таковой, не могла выполнять задачи в общероссийском масштабе.

Перспективы и ожидания отодвигались на второй план. А на первый выходила надежда, что, даже и в создавшихся условиях Добровольческая армия в состоянии будет отразить напор недостаточно организованных ещё большевиков, даст возможность примкнуть к ней сочувствующим, послужит примером для колеблющихся и выиграет время для возможного пробуждения и отрезвления народного самосознания.

И надежду эту, надо отдать им должное, добровольцы сохранили в своих сердцах до конца. Вот слова Деникина:

«Если бы в этот трагический момент нашей истории не нашлось среди русского народа людей, готовых восстать против безумия и преступления большевистской власти и принести свою кровь и жизнь за разрушаемую родину, – это был бы не народ, а навоз для удобрения беспредельных полей старого континента, обреченных на колонизацию пришельцев с Запада и Востока. К счастью мы принадлежим к замученному, но великому русскому народу».

По инициативе всё того же Фёдорова был создан так называемый «Совет», функции которого состояли в «организации

²²⁰ В то же время однородный состав армии, спаянность, сплочённость, высокий боевой дух, воинское умение и осознанная железная дисциплина, не в последнюю очередь, принцип комплектования на добровольной основе, превращали крошечную Добровольческую армию в грозную силу. Не следует также забывать, что большинство чинов, вышколенных Великой войной в лихих бойцов, вступили в армию и пошли в бой, исключительно по идейным соображениям, не изыскивая никакой личной выгоды. Призывы «За Россию! За Корнилова!» не были для них пустым звуком. Не лишним будет вспомнить и тех, кто вёл армию. А это были действительно лучшие генералы, не раз громившие и немцев, и австрийцев. И, конечно же, надо отдать должное Корнилову. Недоброжелатели называли его «первым партизаном». И удивительное дело, командуя отрядом в 3–4 тысячи штыков, он оказался на своём месте и сумел проявить талант выдающегося военачальника в ещё большей степени. Отсюда и пробивная мощь, и поразительная устойчивость, и живучесть Добровольческой армии, которая, находясь, по сути, в тактическом окружении, не рассеивалась, не роптала, в конце концов, не унывала, и неизменно опрокидывала в разы превосходного противника.

хозяйственной части армии, сношениях с иностранцами и возникшими на казачьих землях местными правительствами и с русской общественностью... в подготовке аппарата управления по мере продвижения вперед Добровольческой армии».

В состав Совета от русской общественности вошли московские делегаты Фёдоров, Белецкий, позднее Струве, князь Г. Трубецкой, П. Милюков. Любопытно, что созданный «Совет» сразу же вступил в конфликт с «Донским экономическим совещанием», образованном при Атамане из донских и прибывших экономических и политических деятелей ещё в ноябре. Лишь вхождение в Совет Парамонова и Богаевского позволило его сгладить.

Бурную деятельность развил Савинков. Одно за другим выдвигал он разного рода требования, зачастую в ультимативной форме. Поначалу Савинков рассчитывал даже стать вместе с Алексеевым во главе движения и обратиться с воззванием к стране. С приездом Корнилова несколько поумерил аппетиты и настаивал лишь на включении его в состав «Совета» его самого и группы его «политических друзей». Обосновывая целесообразность такого решения, Савинков утверждал, что, в этом случае, за «Советом» пойдут солдаты и казаки, и что у него «имеется в Ростове значительный контингент революционной демократии, которая хлынет в ряды Добровольческой армии...»

Хотя все три генерала относились к Савинкову отрицательно, требования его всё же были выполнены²²¹ и в состав «Совета» введены четыре социалиста: Савинков, бывший комиссар 8-й армии (от Временного правительства) Вендзягольский, Агеев от Войскового правительства и председатель крестьянского съезда, бывший ссыльный и эмигрант Мазуренко.

Все эти начинания мало, что дали в политическом плане и совершенно ничего не дали в плане военном. «Значительный

²²¹ Каледин и Алексеев считали, что присутствие Савинкова каким-то образом поможет обосновать нахождение Добровольческой армии на Дону. Каледин, в подобных вопросах всегда щепетильный, считал для себя невозможным указать Савинкову на дверь, так как «могли бы подумать», что он действует, исходя исключительно из личной неприязни.

контингент революционной демократии» не только не хлынул в ряды Армии, но даже и не обнаружил своего присутствия. Казаки и солдаты о существовании «Совета» вряд ли успели и узнать. Всё свелось к финансовым вопросам, к добыванию денежных субсидий, необходимых для самого существования Армии²²².

В середине января, когда военная катастрофа оставалась лишь делом времени, «Совет» распался. Члены его разъехались в разные стороны. Борис Савинков, получив от Алексеева «удостоверение», отбыл в Москву. В дальнейшем пути его с генералами-триумвирами не пересекались.

Между тем недоразумения внутри триумvirата не прекращались, прорываясь вдруг вспышками раздражения, едва не закончившиеся полным разрывом²²³. 9 января Деникина и Лукомского вызвали в канцелярию Алексеева. Задержавшись по службе, они прибыли, когда «всё уже кончилось», и узнали следующее. Некто капитан Капелько, состоявший при штабе Алексеева, ссылаясь на слова Добрынского, доложил Алексееву о предстоящем «перевороте». Корнилов, якобы, должен был сместить триумvirат и объявить себя диктатором. Капитан утверждал, что уже произведены ключевые назначения, вплоть до московского генерал-губернатора включительно.

Предубеждённый против Корнилова, не переговорив предварительно ни с кем из генералов, Алексеев созвал заседание «Совета» и пригласил на него Корнилова для объяснений. Корнилов, взбешенный подобным обвинением, выругался

²²² Москва, до захвата финансовых институтов большевиками, успела выразить «горячее сочувствие» и выделить в два приёма на нужды Добровольческой армии до 800 тыс. руб. Сбор средств шёл и на Дону, и дал куда больше: ростовская буржуазия по подписке выделила около 6.5 миллионов рублей, новочеркасская – около 2-х миллионов. Половина этих сумм должна была поступить в фонд Добровольческой армии, но фактически до оставления Ростова казначейству удалось собрать с трудом не более 2-х миллионов рублей.

²²³ Следует отметить, что «недоразумения» затрагивали лишь верхушку офицерства, входившую в окружение генералов, и на Армию никакого влияния не возымели. Армия в подавляющем большинстве отдавала должное Алексееву, но не представляла, чтобы её повёл в бой кто угодно, кроме генерала Корнилова

и удалился. На другой день московская делегация получила письма с отказом от участия в организации обоих генералов – Алексеева и Корнилова. Опять пришлось уговаривать: с Алексеевым беседовал Деникин, с Корниловым – Деникин вместе с Калединым.

Корнилов согласился принять извинения Алексеева, но при этом потребовал от московской делегации в частности и следующего:

1. «Письменного извещения, что «Совет» признаёт себя органом только совещательным при коллегии из трех генералов, и ни один вопрос, внесенный на рассмотрение Совета, не получает окончательного решения без утверждения означенных трех лиц.
2. Включения в состав Совета – начальника штаба армии и председателя вербовочного комитета.
3. «Признания за командующим Добровольческой армией права назначения лиц, обязательно из военных, возглавляющих военно-политические центры, указанием, что эти лица получают инструкции по военным делам только от штаба армии...»

Все требования Корнилова были, конечно же, удовлетворены²²⁴.

16 января, когда сотни Каменского ревкома только лишь очистили Лихую и Звереву, и перспектива боёв с донскими казаками приобретала вполне осязаемые очертания, новую

²²⁴ Перед самым переходом Армии в Ростов имел место эпизод обратного свойства. «Некоторые лица» явились к начальнику штаба Армии генералу Романовскому и представили список офицеров, которые якобы решили организовать убийство Корнилова. В списке фигурировали имена людей, близких к Алексееву и некоторых чинов штаба. Когда Романовский, смотревший на всё это, как на злостную выдумку, всё же собрался доложить Корнилову, тот перебил его:

– Мне это известно.

И перешел к текущим вопросам.

Упомянутые офицеры штаба требовали реабилитации или отчисления их из армии. Через 2 – 3 дня Корнилов принял их и сказал:

– Дело не в Корнилове. Я просто не допускаю мысли, чтобы в армии нашлись офицеры, которые могли бы поднять руку на своего командующего. Я вам верю и прошу продолжать службу.

авантюру затеял Добрынский. Он, вдруг обнаружив, соответствующие генеалогические корни, нашёл жёлтые лампы, объявил себя «астраханским казаком» и в сопровождении двух, оказавшихся в Ростове астраханцев прибыл к Корнилову. От имени «поволжского купечества и Астраханского, соединённого с Калмыцким, войска», ими было передано генералу «обращение», призывающее Корнилова прибыть в Астрахань «для водворения в губернии законности и порядка». При этом была якобы гарантирована материальная поддержка и лояльность населения и политических кругов. Обращение²²⁵ заканчивалось заверением в том, что

«...купечество произведет милитаризацию своих предприятий, сохранив за военными навсегда их служебное положение, дав обязательство в том, что все назначения в этом смысле будут происходить с согласия генерала Корнилова».

Всё это угнетающе действовало на Корнилова. К тому же, всевозможные «доброжелатели» пытались убедить его в том, что предприятие не достигло ещё соответствующего его имени масштаба, и, следовательно, генералу следует временно устраниваться с политической арены, чтобы потом возглавить набравшее уже мощи «общенациональное» движение. Другие указывали на рецидивы «донского сепаратизма» и предлагали перебраться в Сибирь, где по их словам не было «самостийных устремлений», и социально-бытовой устой казался чуждым большевизму.

Однако, постепенное упрочение связи с армией, с личным составом, ответственность, взятая на себя Корниловым за жизнь откликнувшихся на его призыв, поверивших ему людей, заставили Корнилова отбросить все сомнения и окончательно связать свою судьбу с Добровольческой армией. Сыграло свою роль и постепенное осознание, что горсть собравшихся

²²⁵ Обращение было подписано лишь тремя прибывшими к Корнилову «представителями», самим Добрынским, Н. Киселёвым и Б. Самсоновым. К этому времени эсеро-меньшевистский «Комитет народной власти» доживал в Астрахани последние дни. Бои, завязавшиеся в центре города в ночь с 11 на 12 января, велись с переменным успехом, но постепенно инициативу взяли в свои руки большевики. 25 января в городе была установлена Советская власть.

в Новочеркасске офицеров и юнкеров, и есть *всё*, что противостоит ещё большевикам. Что, если не они, то уже и никто, и никакого «общенационального движения» нет, и не будет уже никогда...

Немало проблем создавали и Донские власти. Считая, что непримиримость большевиков связана была не в последнюю очередь с нахождением в Новочеркасске добровольцев, отдельные их представители и вели себя соответственно. Не избегая при этом и публичных выступлений с резкой критикой, как Армии, так и возглавивших её генералов. С возрастающей неприязнью всё чаще посматривали в сторону «корниловцев» и казаки.

Дело дошло до того, что ещё и в январе Корнилову приходилось жить в Новочеркасске на конспиративных квартирах и отказаться от ношения военной формы. Имя его в официальной печати не упоминалось, что привело к неожиданным негативным последствиям. Полулегальное положение и недоброжелательство властей не позволило Алексееву и Корнилову отдать прямой приказ, *обязывающий* офицеров прибыть в распоряжение Армии. Несомненно, на такой приказ откликнулось бы в разы большее число офицеров. Призывы же и воззвания оставляли за ними право выбора. И большинство выбирало вращение в гражданскую жизнь.

Так или иначе, но оставаться и вести военное строительство в подобной обстановке было невозможно. Поэтому постепенное перебазирование Армии из Новочеркасска в Ростов с соответствующим разделением, в том числе и военных сфер влияния, удивления ни у кого не вызывало.

Все подразделения Армии были объединены в «Добровольческую дивизию», начальником которой назначен генерал Деникин. Начальником штаба из четырёх-пяти офицеров – генерал Марков. В то же время Корнилов оставался «главнокомандующим» Армии, из одной этой дивизии и состоявшей, что вело к проявлению некоторых элементов двоевластия. При Верховном, как и при Алексееве, образовались свои

штабы²²⁶. Куда более многочисленные, и со своими «интересами». Всё это вносило определённую отчуждённость и трения, но дальше окружения не опускалось.

К концу декабря Дон со всех сторон был окружён советскими войсками. Контроль на станциях и в поездах ужесточился до предела. Прибытие офицеров становилось в этих условиях крайне затруднительным, если вообще возможным. Приток пополнений из Центральной России резко сократился. Прибывали, используя все ухищрения, поминутно рискуя быть схваченными, одиночки.

Тем удивительнее судьба Корниловского полка. После ареста Корнилова полк попал в опалу. 10 сентября приказом начальника штаба Верховного главнокомандующего был переименован в 1-й Российский ударный полк и прикомандирован к 1-й Чехословацкой стрелковой дивизии, находящейся на Юго-Западном фронте. Приказом от 30 сентября вновь был переименован в Славянский ударный полк, с сохранением, тем не менее, всех отличий и эмблем, включая надпись «Корниловцы».

Ударный Корниловский, сохранивший кадры, сплочённость и дисциплину, использовался для «затыкания дыр» на Юго-Западном фронте. В последних числах октября был вызван комиссаром Григорьевым в Киев, с просьбой поддержать Временное правительство. Вместе с юнкерами Константиновского, Николаевского, Сергиевского Киевских военных

²²⁶ Начальником штаба Армии был назначен генерал Лукомский. Штаб состоял из двух отделов, строевого (генерал Романовский) и снабжения (генерал Эльснер). В результате изначальной нацеленности на перспективу и наличием большого числа опытных штабных работников, мало пригодных к строевой службе, штаб обнаружил раздражающее строй стремление к «саморазмножению». У болезненно воспринимающего подобные явления Корнилова произошёл непростой разговор с Лукомским. В результате 2(15) февраля 1918 г. в должность начальника штаба Армии вступил Романовский, а Лукомский был назначен «представителем Армии при Донском атамане». «Главная задача, которая была на меня возложена, – пишет Лукомский, – состояла в том, чтобы настаивать на более энергичном формировании новых частей и продолжении самой упорной борьбы с большевиками».

училищ полк ввязался в боестолкновение с выступившими совместно украинскими и большевистскими отрядами. Три дня в городе продолжались бои, сменившиеся переговорами и передачей власти Раде в блоке с большевиками. Военные училища отправились на Дон и Кубань, а «корниловцы» получили предложение Петлюры остаться для охраны общественного порядка в городе.

Капитан Неженцев не без труда вывел полк из Киева и телеграфировал в Ставку с просьбой, «ввиду предотвращения его окончательного истребления», отпустить полк на Дон. Согласие Войскового правительства было получено заранее. Ставка, не желая проявить откровенно антибольшевистскую позицию, отказала категорически. Лишь 18 ноября накануне её ликвидации было получено распоряжение Верховного Духонина: передвинуть полк на Кавказ «для усиления Кавказского фронта и для новых формирований...» К этому времени железная дорога была уже в значительной степени забита перемещающимися в разных направлениях большевистскими эшелонами.

Возникла идея присоединиться по частям к казачьим составам, которые пока ещё пропускались беспрепятственно на Дон и Кубань, как «нейтральные». Составили поезд, в который погрузили материальную часть и обоз, однако казаки «взять его с собой» отказались. Неженцев не растерялся и в этой ситуации. Он распустил полк, сообщив начальству, что люди «разбежались». При этом личному составу было объявлено, что расформирование фиктивно, и тот, кто изъявит желание, должен пробираться в Новочеркасск на свой страх и риск.

Эшелон же с полковым имуществом в сопровождении незначительной охраны и с поддельными документами о принадлежности к одной из Кавказских частей проследовал самостоятельно и прибыл в Новочеркасск 19 декабря²²⁷. А к 1 января

²²⁷ Корниловский полк М.О. Неженцева был воссоздан в составе трёх батальонов (командиры батальонов: 1-го – полковник Булюбаш, 2-го – полковник Мухин, 3-го – В.И. Индейкин).

1918 г. собралось до 50 офицеров и 500 солдат²²⁸, добравшихся до столицы Дона кружными путями группами и в одиночку.

Занятие Ростова, казалось, открывало перед добровольцами перспективы серьёзного доукомплектования. Однако скопившиеся в городе тысячи офицеров записываться в Армию не спешили. Советская власть, продержавшаяся в Ростове шесть дней, *действительно*, не трогала заявивших о «нейтралитете» офицеров. Возможно, потому, что просто было не до них. Разговоры об этом велись, и подавляющее большинство ростовских офицеров склонялось к тому, чтобы отсидеться и переждать. Более того, выделилась даже группа «нейтралистов», которые по собственной инициативе занялись агитацией, направленной против вступления офицеров в Добровольческую армию²²⁹.

Тем неожиданнее был массовый приток офицеров, пробиравшихся на Дон с фронтов Великой войны. Из офицеров-фронтовиков в Ростове был сформирован так называемый «Партизанский отряд имени генерала Корнилова». Фактически это был батальон четырёх ротного состава во главе с полковником В.Л. Симановским. К началу января в батальоне насчитывалось до 500 штыков(!).

Попытка создать кавалерийскую часть наталкивалась на отсутствие конского состава. Но во второй половине декабря в Ростов прибыл «Ударный дивизион Кавказской кавалерийской дивизии». Командир дивизиона полковник Ширяев и его помощник ротмистр Дударев сумели привести Корнилову до трети личного состава, 80 человек. Правда, тоже «безлошадных». Для руководства в пеших боях дивизиону было придано несколько офицеров из 2-го Офицерского ба-

²²⁸ Что обрадовало командование ещё и по причине катастрофической нехватки в Армии нижних чинов. В беседе с генералом Череповым, изучив представленные списки отряда, Корнилов высказал наиболее: «Ну да! Это всё офицеры, а где же солдаты? Солдат мне дайте! Офицер хорош на своём месте. Солдат дайте мне!»

²²⁹ Известны случаи, когда к часовым подходили «уклонисты» и задавали вопрос: «А зачем вы здесь стоите?» Причины подобного поведения понятны. Находить оправдание собственного малодушия, имея перед глазами противоположный пример, куда как труднее. И вместо того, чтобы признать всю неприглядность своих поступков, слабые духом с усердием пытались принизить решимость тех, на кого им следовало бы равняться.

тальона. В конце января в дивизионе было до 120 человек.

Вторым конным подразделением Добровольческой армии стал 1-й Кавалерийский дивизион полковника В.С. Гершельмана²³⁰, сформированный в декабре 1917 г. в Ростове (к 30 декабря

²³⁰ После провала Корниловского выступления и октябрьских событий многие офицеры, в том числе, и кавалерийские, вынуждены были покинуть свои части. Чтобы хоть как-то пристроить остающихся ещё в строю, генерал Алексеев ходатайствовал перед Главковерхом о разрешении на формирование из состава расквартированного в Гжатске Лейб-гвардии Уланского Его Величества полка конного отряда особого назначения для охраны посольства и консульства в Персии. Трудно сказать, действительно ли отряд должен был проследовать в Персию, или с самого начала формировался как ядро конной части, свободной от агитаторов и комитетов, но разрешение получено было. Формировать отряд предполагалось поначалу в Новочеркасске, но Войсковое правительство возражало, и был выбран Ставрополь.

В конце ноября в Уланский полк прибыл ротмистр 4-го Гусарского Мариупольского полка Л.Д. Яновский, которому было поручено формировать отряд. С разрешения полкового комитета он обходил эскадроны и призывал улан записываться в отряд. При этом, чтобы сразу отсеять «нежелательный» элемент, Яновский не скрывал, что служба будет нестися по старому уставу Русской армии и без комитетов, так как «в Персии, то есть за границей, разрешено воинскому подразделению находиться только на таких условиях». Полковой комитет, после долгих прений принял резолюцию, что не будет препятствовать желающим поступить в отряд. Всего записалось три офицера и до 40 улан, большинство из команды связи (в отряд сразу же записался её начальник штаб-ротмистр С. Потоцкий 3-й, пользующийся популярностью).

В итоге отряд, получивший наименование «Персидского конного дивизиона» проследовал в эшелоне здесь же сформированной Украинской бригады по маршруту Гжатск – Могилёв – Киев – Ростов. В Орше Украинскую бригаду разоружили, но в обстановке хаоса Главковерх Крыленко, узнав о численности отряда, лично разрешил его пропустить. В дальнейшем пять вагонов «дивизиона» присоединялись к эшелонам то поляков, то донцов. Пробыв в пути 17 суток, 16 декабря 1917 г. отряд прибыл в Ростов. Переговорив с ранее прибывшим в Добровольческую армию полковником В.С. Гершельманом (их сослуживцем по гвардейской конной бригаде), офицеры отряда решили отказаться от следования в Ставрополь, где уже была установлена советская власть, и выгрузиться в Ростове.

Уланы расположились в Таганрогских казармах. Через несколько дней из Новочеркасска прибыл поручик А. Фермор, а с ним юнкера и вольноопределяющиеся, в той или иной степени связанные со службой в кавалерии. Офицеры сообщили уланам, что в Персию отряд не поедет, разъяснили назначение и задачи Добровольческой армии и предложили остаться в её рядах. Остались трое, остальным полюбовно были выданы отпускные билеты. Из казарм Таганрогского полка отряд вскоре перевели в Проскуровский госпиталь №10, где 31 декабря был сформирован 2-й «уланский» эскадрон 1-го Кавалерийского дивизиона, в котором на офицерских должностях проходили службу кавалеристы бывшего Уланского Его Величества полка...

1917 г. в двух эскадронах дивизиона насчитывалось 48 сабель, к 10 января 1918 г. – 138).

Тем не менее, личного состава всё же не хватало катастрофически, и определённая работа в этом направлении проводилась. Причём, как армейскими службами, так и людьми сторонними.

Проживающий в Ростове генерал А.Н. Черепов организовал собрание офицеров, на которое прибыло до 300 человек. После длительного обсуждения было принято решение сформировать отряд «для несения службы по охране города и поддержанию в нём порядка». Всего записалось до 200 человек. Командиром отряда был избран Черепов, который и отправился в Новочеркасск для доклада Атаману. Каледин, выслушав, сказал в ответ:

– Я ведаю только казачьими делами, а всё армейское в руках генерала Алексеева. К нему и обратитесь.

Алексеев же своего воодушевления не скрывал:

– Неужели в Ростове возможно провести формирование? С Божьей помощью начинайте! – Черепов тут же был назначен «начальником отряда в Ростове».

Одновременно в городе было открыто Бюро записи добровольцев. Несколько офицеров, в том числе, и записавшихся в отряд самообороны, приходили в Бюро и откровенно спрашивали:

– Что даёт Добровольческая организация?

– Винтовку и пять патронов, – отвечали в Бюро и предупреждали. – А от большевиков получите пулю в затылок.

В результате за две недели Ростов и Нахичевань дали до 300 добровольцев. 200 человек, записавшиеся в первые после занятия города дни, составили Ростовскую офицерскую роту во главе с капитаном Петровым. Остальные 100 влились в Студенческий батальон, Техническую роту и переведённые из Новочеркасска 2-ю Офицерскую и 3-ю Гвардейскую роты.

Несмотря на эмоциональный подъём среди учащейся молодёжи в Студенческий батальон записалось всего 2–3 человека. К ним прибавилось ещё с десятков офицеров из бывших студентов. Ядро батальона составили три старших класса среднего

коммерческого училища. Всего 180 человек. После этого в газете «Донская волна» был напечатан призыв ко всей молодёжи Дона записываться в Добровольческую армию. На него откликнулось ещё 30 учащих.

Отдельный Студенческий батальон (командир генерал А.А. Боровский, помощник командира батальона – полковник В.Ф. Назимов) был сформирован 8 января 1918 г. в составе двух рот: полковника Зотова и капитана Сосионкова. Батальон был размещён в Лазаретном городке. Всего он насчитывал, включая хозяйственную часть, 280 человек, в том числе 25 офицеров. Постепенно батальон снабдили всем необходимым. С первых дней началось ускоренное обучение азам военного дела, и вскоре батальон уже выделял патрули для несения гарнизонной службы.

Ожидаемое развёртывание Добровольческой армии в *настоящее* полнокровное соединение предполагало формирование и специальных воинских частей: сапёрных, связи, броневых, авиационных и т.д. Однако не только, да и не столько эти соображения учитывались при создании Технической роты. Всё в те первые дни было завязано на железную дорогу. От исправности путей и паровозного парка зависело главное – мобильность. В то же время выявилось весьма неоднозначное отношение к добровольцам, как «Викжеля», так и местных железнодорожников. Забастовки, саботаж, даже диверсии становились обыденным явлением. В этих условиях располагать своими ремонтными и паровозными бригадами становилось жизненно необходимым.

Поэтому в середине января в Ростове все поступающие и ранее поступившие в Армию чины инженерных частей направлялись для комплектования Технической роты (командир полковник Н.И. Кандырин, с 21 февраля (6 марта) – полковник Н.Д. Банин). В первое время, ввиду отсутствия материальной базы, рота несла службу обычной пехотной части. Сразу же было взято под контроль Ростовское депо, в которое направлена группа специалистов во главе с прапорщиком Шмидтом и выставлен караул.

Вскоре ротные чины – железнодорожники приступили к обслуживанию и охране веток, отходящих от Ростова. Были сформированы железнодорожные бригады, способные управлять паровозами и вести воинские эшелоны, бригады специалистов для проведения ремонта паровозов и вагонов. Выделялся штат для комплектования команды блиндированного поезда и личного состава отряда броневедомостей. Знакомых с техникой практического управления паровозами были единицы. Тем не менее, несмотря на неопытность сформированных железнодорожных бригад, не было ни одного крушения. Случаи порчи или поломки паровозов имели место, но были сведены к минимуму.

Сапёры проводили восстановление мостов и повреждённых участков железнодорожного полотна и обеспечивали связь.

К моменту оставления Ростова в Технической роте насчитывалось до 120 человек.

В середине января штаб Добровольческой армии перебрался из Новочеркасска в Ростов и расположился в особняке промышленника Н.Е. Парамонова (так называемый, «Парамоновский дом»²³¹). Постепенно переводились и ранее сформированные части²³².

Первым во второй половине декабря был переведён и расположен в центре города Юнкерский батальон. За ним последовала 2-я Офицерская рота. В Ростове она была пополнена, главным образом, офицерами с Кавказского фронта, и развернута во 2-й Офицерский батальон четырёхротного состава. Его командиром был назначен проживающий в Ростове полковник Лаврентьев, который выбрал систему последовательного пополнения рот в порядке их номеров. В результате к концу декабря в 1-й роте насчитывалось до 100 человек, во 2-й – до 80, в 3-й и 4-й – по 30 в каждой. В начале января, 1-я и

²³¹ Ныне здание Библиотеки Ростовского Государственного университета на ул. Пушкинской. Любопытно, что после ухода добровольцев из Ростова, в здании разместилось ЧК.

²³² Переводились ещё и потому, что сохранялась надежда пополнить и развернуть их в более крупные подразделения за счёт притока Ростовских офицеров.

2-я роты были отправлены на фронт и больше в батальон не вернулись.

3-ю Офицерскую (Гвардейскую) роту в Ростове принял последний командир Лейб-Гвардии Преображенского полка полковник Кутепов. В конце декабря численность роты не превышала 70 штыков.

Морская рота, переместившись в Ростов, увеличила численность личного состава лишь до 70 человек. Ростовское мореходное училище отпустить своих старших слушателей отказалось. По-прежнему командовал ротой капитан 2-го ранга В.Н. Потёмкин.

Реорганизована была и остававшаяся в Новочеркасске 1-я Офицерская рота. 15 декабря она была развёрнута в 1-й Офицерский батальон, численностью до 200 штыков (командир батальона полковник Борисов). Взводы автоматически превращались в роты. Командиром 1-й роты был назначен штабс-капитан Некрашевич (с января – подполковник Н.Б. Плохинский), 2-й – штабс-капитан Добронравов (погиб 19 января), 3-й – штабс-капитан Пейкер (погиб 21 января), 4-й – поручик Кромм. Из состава батальона выделялись кадры различных команд. Вооружения не хватало. Едва половина личного состава имела винтовки с двумя-тремя обоймами.

17 декабря батальон в первый раз посетили генералы Деникин и Марков. Деникин, пожимая каждому руку, обошёл строй рот. Говорил о том, что всех их объединило и собрало на Дону. Сообщил о приезде Корнилова. Деникин и Марков произвели самое благоприятное впечатление. Хотя Маркова, бывшего к тому же в штатском, никто и не знал в лицо, офицеры батальона сразу причислили его «к главным начальникам Добровольческой организации».

А вскоре был получен приказ о назначении 40 офицеров для отправки в Таганрог. Ко второй половине декабря Донской пластунский батальон ввиду разложения из города был выведен, и в Таганроге оставались прибывшая в середине ноября из Киева 3-я Киевская школа прапорщиков (начальник школы полковник Мастыко, командир 1-й роты подполковник Дедюра, 2-й –

подполковник Макаревич; всего до 400 человек) и два запасных пехотных полка. Предполагалось в целях пополнения арсенала и предотвращения, возможных в будущем выступлений запасные полки разоружить.

Отряд под командованием штабс-капитана Папкова был снабжён минимально необходимым количеством патронов, для чего батальон, оставив до 100 обойм, остальные выделил «командируемым». Слухи о «карательной экспедиции» достигли города раньше эшелона добровольцев. Солдаты рассеялись. В пустых казармах оставались лишь командир одного из полков, да канцелярия другого. Тут же на полу валялось в беспорядке разбросанное оружие. Командир запасного полка потребовал письменного распоряжения на «передачу» оружия. В ответ ему было предоставлено заранее подготовленное требование. На этом инцидент был исчерпан.

Отряд Папкова захватил в Новочеркасске несколько пулемётов, бомбомётов, большое количество винтовок и винтовочных патронов, а также и средства связи. Обошлось без потерь. Лишь ночью, отряд, заночевавший в казармах запасных полков, был обстрелян неизвестными. Однако по прибытии в Новочеркасск всё оружие, как захваченное на Донской территории, пришлось сдать казакам. Для себя удалось приберечь лишь несколько цинков с патронами, скрытых во время передачи от казачьих комитетчиков.

В ночь на 1 января 1918 г. 1-й Офицерский батальон был переведён в казармы, расположенные на Ботанической улице Новочеркасска, где уже размещался выведенный из Таганрога Донской пластунский батальон. По договорённости с Донскими властями, не без личного вмешательства Каледина, часть оружия, захваченного в Таганроге, всё же была батальону передана. Передача, в целях избежания огласки, производилась ночью. Батальон получил 6 пулемётов «Максима» с тремя тысячами патронов на каждый, 4 пулемёта «Кольта», два ручных пулемёта «Льюиса», большое количество винтовок и патронов.

В связи с этим была сформирована пулемётная команда, а

число патронов в батальоне было доведено до 120 на человека. После этого события офицеры с нескрываемой радостью говорили, что они вооружены теперь «до зубов...»

В Таганроге, между тем, ситуация и после расформирования запасных полков, продолжала оставаться напряжённой. Проигнорировав приказ Совнаркома о роспуске военно-учебных училищ, начальник 3-й школы прапорщиков полковник Мастыко подчинился генералу Алексееву. Ему была поставлена задача, поддерживать порядок в городе и на железнодорожной ветке Таганрог – Ростов. Одна из рот стала повзводно на станциях Кошкино, Марцево, Бессергеновка и др.

В Таганроге также была начата запись добровольцев. Из многих сотен проживающих в городе офицеров записались лишь 50. Из них капитаном Щелкановым была сформирована Таганрогская рота (при двух пулемётах), выполнявшая общие со Школой прапорщиков задачи.

Уже к началу января становилось очевидным, что в ближайшее время Добровольческая армия будет втянута в бои с многократно превосходящим её численно и вооружением противником. В этих условия артиллерию для армии требовалось добыть *любым путём* и в кратчайшие сроки.

В этих целях был предпринят ряд экспедиций, как представляется, несколько авантюрного характера. Но следует повторить, ситуация складывалась таким образом, что любая возможность пополнить запас вооружений, в первую очередь, артиллерийских, не могла быть проигнорирована.

Стало известно, что в Екатеринодаре относительно легко можно завладеть несколькими орудиями и при наличии небольшой охраны перевезти их по железной дороге на Дон. В этих целях 4 января под руководством капитана Беньковского была создана команда в составе: 7 офицеров и 14 юнкеров 1-й батареи, вооружённых винтовками и пулемётом и 33 офицеров 2-й и 3-й батарей, всего 54 человека.

Слухи об этом «предприятии» распространились ещё до начала его реализации. Уже в Ростове к вагону команды приблизилась группа рабочих, кричавших, что «кадеты едут на

Кубань, чтобы утопить мирные станицы в крови». Толпа была отогнана патрулём. На станции Кущёвка команде было заявлено, что на станции Тихорецкой они будут арестованы. Это побудило Беньковского изменить маршрут и направиться к месту назначения по Черноморской железной дороге. Однако и там отношение к добровольцам было на удивление недоброжелательным. Станцию Старо-Минскую удалось проскочить только под угрозой применения оружия. Станцию Тимашевскую проскочить не удалось. Эшелон был окружён вооружёнными кубанскими казаками. Угрозы, и увещевания ни к чему не вели. К вагону команды подошёл некто, назвавшийся командиром 2-го Таманского полка полковником Фесько и предложил при условии сдачи оружия, вывести команду со станции, после чего она смогла бы продолжить движение к Екатеринодару. Поверив «честному слову офицера», команда сдала оружие, тут же была арестована и препровождена в Новороссийск, где с рук на руки сдана властям Черноморской советской республики.

Всю команду, конечно, немедленно бы расстреляли, но по просьбе генерала Алексеева Кубанское краевое правительство заявило, что от судьбы арестованных офицеров напрямую будет зависеть, как судьба захваченных ранее на Кубани советских деятелей, так и доставка продовольствия в Новороссийск. Всё было как-то утрясено, не принято было лишь предложение об обмене. Три месяца добровольцы провели в тюрьме, где узнали о падении Дона, о неудаче Армии под Екатеринодаром и смерти Корнилова, о потоплении офицеров Варнавинского полка, выданных матросам своими же солдатами...

Дело шло всё к тому же расстрелу, но тут из Севастополя прибыла в Новороссийск ушедшая от немцев Черноморская эскадра. Её командующий адмирал Саблин заявил, что ему для защиты порта от возможного наступления высадившихся на Тамани немцев потребны офицеры. И под этим предлогом сумел добиться освобождения добровольцев из тюрьмы. Все они были расселены по квартирам и предупреждены, что если попытается бежать хоть один, отвечать будут все. Когда же часть кораблей вернулась в Севастополь, а другая часть была пото-

плена на рейде, ни защитников, ни тех, с кем они были связаны словом, у «корниловцев» уже не осталось. Приобретя у служивших в Совете доброжелателей соответствующие документы, добровольцы, разделившись, покинули Новороссийск. Одни выехали по железной дороге на Екатеринодар. Другие пешком порядком направились в сторону Тамани. Третья группа, захватив оставленный на берегу морской катер, которым мог управлять подпоручик Янчевский, вышла в море, держа курс на Керчь. Большая часть сумела выйти к своим. Судьба других неизвестна...

Неудача не обескуражила остальных. И суровые, на грани жизни и смерти, экспедиции подчас сменялись следующими эпизодами.

9 января в лазарете скончался от ран юнкер 1-й батареи Малькевич. Батарея решила похоронить сослуживца, провезя тело на лафете орудия. Но не своего, а взятого для этой цели у казаков из Донского запасного артиллерийского дивизиона с тайным умыслом, так или иначе, присвоить его после церемонии. Через знакомых донцов о выделении орудия для проведения похоронной процессии договориться удалось. После похорон возвращено оно не было. Через неделю в батарею прибыли казаки-комитетчики и потребовали вернуть орудие. Не растерявшиеся юнкера моментально организовали свой «комитет»²³³. Войдя в роль, «председатель» старший портупей-юнкер Иегулов заявил, что «комитет юнкерской батареи передаёт свой братский привет братьям станичникам», что все члены «комитета» с донцами во всём единодушны, и убедил их оставить орудие, так как оно необходимо «для проведения занятий». Казаки-комитетчики, тронутые проявленным уважением, согласились «временно» оставить орудие. Таким образом, Юнкерская батарея приобрела третье своё орудие, которое личный состав называл за глаза и в глаза «похоронной пушкой».

Новый случай представился, когда Оренбургские казаки-артиллеристы, следуя на родину через Царицын, и зная, что

²³³ Казакам и в голову не пришло, что в Добровольческой армии никаких комитетов в подразделениях быть не может в принципе.

большевики всё равно их разоружат, сдали Донским властям свои орудия. Каледин распорядился передать орудия и оснастку Добровольческой армии. 10 января командир Юнкерской батареи подполковник Миончинский с нарядом юнкеров проследовал в расположение Донского артиллерийского дивизиона для приёма указанных Атаманом орудий. Юнкера вывезли три орудия, но часть их осталась для получения амуниции и остального имущества. И тут, вдруг, выяснилось, что передача вооружения не была оговорена с дивизионным комитетом. Оставшихся в расположении юнкеров казаки арестовали. Было заявлено, что их освободят лишь по возвращении орудий. О происшедшем немедленно доложили в штаб формирования. Но даже Каледин ничего не мог сделать, и орудия пришлось вернуть.

Следующий «эпизод» случился через день-два после этой неудачи и в какой-то мере смог её компенсировать. Инициаторами его были на этот раз офицеры 1-го Офицерского батальона. Едва батальон перешёл в казармы на Ботанической улице, объектом пристального внимания личного состава стала расположенная там же казачья батарея. План был прост. Зная, что в обеденное время никого из казаков, занятых приёмом пищи, у орудий не оставалось, офицеры решили дожидаться удобной минуты и выкатить орудия с территории расположения. Предупреждённые заранее юнкера-артиллеристы, с двумя конными упряжками, ожидали исхода дела у ворот казарм. Задача по нейтрализации часового была возложена на прапорщика Паль, для чего последнему была выдана бутылка водки.

Прапорщик выполнил поручение блестяще. Вначале он улёгся прямо под орудием, демонстрируя часовому искренность своих намерений. Вскоре оба уже сидели, опершись на лафет, и по очереди прикладывались к бутылке. Потом поднялись и удалились со двора, зайдя за угол казармы. Тут же офицеры выкатили на руках орудия, юнкера подхватили их на упряжи и увезли в расположение батареи. Прапорщик Паль кое-как добрёл до казармы, лёг на свою койку и тут же уснул.

Часа через полтора, когда пропажа орудий, наконец, обнаружилась, толпа казаков подошла к часовому-добровольцу с тре-

бованием допустить их к осмотру, занимаемого батальоном помещения. Получив отказ, и наблюдая подошедший на помощь караул, казаки ушли, чтобы тут же вернуться уже при оружии. Из казачьих казарм начали выкатывать пулемёты и устанавливать их во дворе. Батальон выставил из окон свои. Начнись стрельба, анекдотическая история вполне могла обернуться трагическими последствиями.

Борисов доложил о случившемся Алексееву, тот немедленно обратился к Каледину. Атаман прибыл в казармы как раз вовремя, чтобы предупредить возможную перестрелку. Казаки обступили его, Каледин что-то говорил им. Наконец, казаки разошлись, укатив в казармы пулемёты. Уехал и Атаман, посчитавший инцидент исчерпанным. Однако через полчаса они «осадили» казармы батальона вновь. Вновь приехал Каледин, вновь убеждал, и вновь казаки «сняли осаду». Когда через некоторое время, всё повторилось в третий раз, всегда спокойный и сдержанный Каледин уже не скрывал своих чувств. Казаки удалились и на этот раз окончательно.

Дня через два прапорщик Паль встретил у ворот споенного им казака-часового. В ответ на его упрёки прапорщик вынес ещё одну бутылку водки, с которой они, вновь вдвоём, направились к ближайшему погребку и там примирились окончательно²³⁴. Два казачьих орудия были переданы во 2-ю Офицерскую батарею.

Кроме «поиска» орудий, предпринимались экспедиции и иного рода. 5 января 12 «охотников» от 1-го Офицерского батальона под командой штабс-капитана Потуткина были направлены в Воронежскую губернию для совершения диверсий. В Лисках разделились на две группы. Одна взорвала на станции Лиски полевую батарею и вагон со снарядами, другая – в Воронеже вагоны с артиллерийскими снарядами и тремя орудиями. Обратно возвращались поодиночке и почти все удачно. Лишь

²³⁴ Что во всём этом правда, а что добавлено позднее, как элемент фольклора, сейчас определить уже вряд ли возможно. Думается, многие из участников этой истории, павшие вскоре под Ростовом и на Кубани, вспоминали перед смертью не свист пуль и разрывы гранат, а незатейливый этот эпизод. И вспоминали с доброй улыбкой...

штабс-капитан Березовский был задержан красногвардейцами, но и он сумел бежать и через пять месяцев присоединился к батальону.

Стоит упомянуть ещё об одной крупной экспедиции. По агентурным данным в Царицыне организовалась группа офицеров во главе с полковником Корвин-Круковским. Надеялись, что достаточно оказать им моральную поддержку в виде небольшого отряда добровольцев, и неокрепшая ещё Советская власть в городе будет свергнута. Перспективы, в случае успеха дела открывались столь заманчивые, что решено было рискнуть.

Пришлось кстати и случай. Через Лихую в Царицын следовал с фронта эшелон Оренбургских казаков. Стрелковое оружие сдавать они отказались, что и натолкнуло на мысль присоединить к их эшелону вагоны с экспедицией, также вооружённой.

В экспедицию были назначены 37 офицеров 1-го Офицерского батальона и, на случай захвата орудий, 13 офицеров и юнкеров 1-й батареи. Командовал группой уже упоминаемый капитан Капелько. Группа доехала с эшеленом оренбуржцев до станции Чир. Здесь казаки решили всё же разоружиться и потребовали разоружения добровольцев. Весь расчёт на то, что в Царицыне красногвардейцы потребуют у казаков сдать оружие, те откажутся, начнётся перепалка и, выждав момент, можно будет выступить с оружием в руках, сводился на нет. Прибывший на станцию и взявший, как старший по званию, на себя командование, полковник Корвин-Круковский приказал выгружаться. Состав оренбуржцев проследовал дальше. Операция была провалена. Вскоре стало известно, что из Царицына направлен эшелон с красногвардейцами для уничтожения группы. В этих условиях полковник распустил отряд и предложил добровольцам возвращаться в Новочеркасск поодиночке. Офицеры 1-го батальона имели при себе заранее подготовленные подложные документы и, разбившись на мелкие группы, сразу тронулись в обратный путь.

Но артиллеристы таких документов не имели. В Новочеркасск за ними был отправлен юнкер Сокольский, а сами артил-

леристы перешли в ст. Нижне-Чирскую и там ожидали его возвращения. Атаман отдела полковник Мамонтов решил влить добровольцев в отряд, создаваемый им для самообороны станции. Всего в отряде, вместе с «корниловцами» насчитывалось 25 человек. По настоянию добровольцев отряд вновь выдвинулся на станцию Чир, чтобы, заняв её, предотвратить возможное выдвижение советских отрядов от Царицина в тыл Чернецову. К этому времени красногвардейцы давно уже вернулись в Царицын. Зато неожиданно прибыл с фронта эшелон донских казаков, которые объявили «о нейтралитете» и перед расформированием позволили отряду частично себя разоружить. Взято было одних только пулемётов 28 штук, а также значительное количество патронов и гранат.

Юнкер Сокольский успел привезти на ст. Чир документы, однако они уже не понадобились. Путь на запад был 23 января отрезан, Лихую прочно заняли советские отряды. Мамонтов решил уйти с железнодорожного полотна и повёл свой отряд в Новочеркасск. Пройдя за 12 дней 300 километров, отряд вернулся в столицу Дона. У самого Новочеркасска им была разоружена и пулемётная команда 5-го Пластунского батальона. 5 февраля 13 артиллеристов присоединились к своей батарее, в которой их давно уже считали погибшими²³⁵.

Группа офицеров капитана Капелько добралась до Новочеркасска несколько ранее, но батальона в городе уже не застала. Офицеры сразу же получили новое задание и в районе ст. Великокняжеской сумели собрать разведанные о расположении советских войск и состоянии зимовников²³⁶. После выполнения задания группа благополучно вернулась в Новочеркасск.

Предпринятые экспедиции не прошли даром. Они пополнили запас оружия и боеприпасов Добровольческой армии до того минимума, который позволил ей выжить в ближайшие месяцы.

²³⁵ Портупей-юнкер Гавриленко, пробиравшийся в Новочеркасск самостоятельно, доложил, что весь отряд, по-видимому, следует считать погибшим.

²³⁶ Был момент после оставления Ростова, когда Корнилов колебался в выборе дальнейшего маршрута отступления, на Екатеринодар или в сальские степи. Не исключено, разведка капитана Капелько также внесла свою лепту в принятии генералом окончательного решения.

И даже те предприятия, которые закончились неудачей, несомненно, способствовали поднятию боевого духа, так как наглядно продемонстрировали, что Армия – живой, полный инициативы и энергии организм, который не так-то легко, если вообще возможно, уничтожить.

Одновременно с военными приготовлениями и экспедициями предпринимались и дипломатические шаги, направленные на поиск союзников и упрочение положения антибольшевистских сил на Дону. После разгрома вооружённых сил Рады потенциально могли выступить единым фронтом с Добровольческой армией лишь Польский (на начало января располагался в районе Витебск – Минск – Жлобин; командир генерал Довбор-Мусницкий) и Чехословацкий (под начальством русского генерала Шокорева был расквартирован у местечек Полонное и Ромодан) корпуса.

Оба корпуса сохранили себя в порядке, «демократизация» и разложение их практически не затронули. Это были замкнутые национальные формирования, крепкие, многочисленные и дисциплинированные. Специфика ситуации заключалась в том, что корпуса давно уже финансировались Французским правительством, в силу чего любое решение принималось, исходя из рекомендаций французской дипломатии.

Алексеев и Корнилов вели длительные переговоры с командованием корпусов с целью привлечения их к борьбе с большевиками. Однако в итоге понимания не нашли. Национальное политическое руководство по вполне понятным причинам не стремилось ввязываться в гражданскую войну на чужой территории. Французы вели тонкую, как им представлялось, игру, целью которой было лишь одно: любыми средствами сохранить Русский фронт. Просчитывались, конечно, разные варианты, и постепенно число их сократилось до трёх:

1. Свержение Советов с последующим переходом власти к промежуточному, в той или иной степени военному правительству, ориентированному на Добровольческую армию.
2. Поддержка большевиков в расчёте на то, что когда их

власть укрепится, неизбежно возобновятся и масштабные военные действия с немцами.

3. Нечто среднее. Не вступая в открытую конфронтацию с большевиками, прикрыть силами корпусов развёртывание Добровольческой армии и впоследствии, по мере готовности, предоставить ей самой возможность решить все проблемы.

1-й вариант, казалось бы, выглядел наиболее предпочтительным, так как в случае успеха гарантировал выполнение Россией своих союзнических обязательств. Технически свержение Советской власти также не выглядело совсем уж невозможным. Большевики располагали, в большинстве своём не имевшими боевого опыта, наспех набранными и неустойчивыми отрядами красногвардейцев. В корпусах, в большей степени, в Чехословацком, под ружьём находились десятки тысяч подготовленных, дисциплинированных, спаянных единым командованием бойцов. За спиной стояла Добровольческая армия, пусть небольшая, зато готовая идти до конца.

И всё же союзники на этот шаг не решились. Доводы – против, также были весомы и основательны. Прежде всего, Россия всё же оставалась союзным государством. Вмешательство в её внутренние дела могло обернуться чем угодно. К тому же, после всего происшедшего, способность любого правительства, кроме большевистского, мобилизовать разложившуюся армию на возобновление военных действий, вызывало большие сомнения. В любом случае, попытка восстановить фронт неизбежно натолкнулось бы на серьёзное противодействие, и также была чревата непредсказуемыми последствиями. К тому же Добровольческое движение на Юге России не воспринималась пока ещё всерьёз. Но был и главный фактор. *В случае неудачи, ни о каком восстановленном Русском фронте нечего было и думать.* И это соображение в конечном итоге перевесило все остальные вместе взятые.

3-й вариант не мог быть реализован. Он, не давая скорого результата, выливался всё в то же военное столкновение с большевиками со всеми изложенными выше последствиями.

В конце января 1918 г. генерал Алексеев писал начальнику французской миссии в Киев²³⁷: «...силы неравны, и без помощи мы вынуждены будем покинуть важную в политическом и стратегическом отношении территорию Дона к общему для России и союзников несчастью. Предвидя этот исход, я давно и безнадежно добивался согласия направить на Дон, если не весь чешско-словацкий корпус, то хотя бы одну дивизию. Этого было бы достаточно, чтобы вести борьбу и производить дальнейшие формирования Добровольческой армии. Но, к сожалению, корпус бесполезно и без всякого дела находится в районе Киева и Полтавы, а мы теряем территорию Дона. Сосредоточение одной сильной дивизии с артиллерией в районе Екатеринослав – Александровск – Синельниково уже оказало бы косвенную нам помощь... Весь корпус – сразу поставил бы на очередь решение широкой задачи. Зная ваше влияние на... чехов, я обращаюсь к Вам с просьбой принять изложенное мною решение. Быть может, еще не поздно. Через несколько дней вопрос может решиться бесповоротно не в пользу Дона и русских вообще...»

Дивизию, конечно, в распоряжение Алексеева не предоставили. И не потому, что послание не дошло до адресата. Отбросив всё, по их мнению, неприемлемое, французы остановились на сотрудничестве с Советским правительством, и совершили стратегическую ошибку. Как и многие до них, французские дипломаты не учли главного. Им приходилось иметь дело не с очередным правительственным кабинетом, а с партией *нового типа*. Для которой национальные, государственные и любые другие интересы отступали на второй план перед интересами её руководства. Союзники, не разобравшись до конца в происходивших событиях, так и не осознали очевидного:

большевики никогда не пойдут на возобновление полномасштабной войны с немцами по той простой причине, что это приведёт к немедленному отходу от них солдатских масс и неизбежному скорому отстранению от власти.

²³⁷ Курьер был арестован большевиками в Новохопрске, письмо захвачено и опубликовано в №28 газеты «Известия ЦИК» от 6(19) февраля 1918 г.

В итоге Польский корпус был разоружён большевиками и немцами. Чехословацкий был двинут для посадки на союзнические суда к Владивостоку, забив своими эшелонами всю Транссибирскую магистраль. И когда иллюзии союзников рассеялись, выступил против большевиков. Но это случилось уже в конце мая.

А в январе Добровольческая армия оставалась в одиночестве...

3.4. Паритетное правительство. Съезд неказачьего населения Области

Сейчас, по прошествии стольких лет, легко упрекать Каледина. Легко утверждать, что курс на Паритет, на втягивание в политическую жизнь Области как можно большей части её населения себя не оправдал. Можно даже попытаться представить, отчего Атаман с такой настойчивостью, несмотря ни на что, не сворачивая, вёл Дон по избранному им курсу. Не следует только забывать, что на нём лежала ответственность и за людей, и за насчитывающее многовековую историю и культуру Донское войско, и за страну в целом, патриотом которой он без сомнения оставался до конца.

И всё же, думается, создание Паритетного правительства и всё с ним связанное, в нормальных условиях шаг вполне разумный и естественный, в обстановке внешнего вооружённого вторжения лишь ускорило катастрофу.

Крестьяне никак не отреагировали и в большинстве продолжали симпатизировать большевикам²³⁸. Враждебное отношение к Войсковому правительству рабочих лишь усиливалось с каждым днём и от политических решений не зависело ни в малейшей степени.

Казачи отвернулись окончательно...

²³⁸ На Войсковом круге 3-го созыва делегаты от Черкасского округа вполне резонно замечали: «Паритет... не заставит крестьянство сражаться в рядах казаков с большевиками... наоборот, вхождение иногородних в Правительство ослабит последнее в нравственном отношении, лишит воли в борьбе».